

СТАНОВЛЕНИЕ ФЕОДАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ У ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН В СВЕТЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ДАННЫХ

Я. Г. Риер

Дискуссия об общественном строе Древней Руси¹ порождает необходимость расширенного к ней отношения по меньшей мере в двух аспектах: каков был общественный строй в ту эпоху у соседних народов и о чем говорят данные археологии. (До сих пор участники дискуссии опирались в основном на письменные памятники, хотя привлекали для аргументации и археологические свидетельства.)

1. Возможности археологии. Различные аспекты генезиса феодализма, несмотря на довольно длительную и многогранную историю их изучения, продолжают волновать исследователей нерешенностью ряда проблем. Их неясность и дискуссионность во многом порождены сравнительной ограниченностью источников. Такая ситуация издавна обратила взгляд историков на вещественные, археологические материалы. В историографии не раз встречались положительные примеры использования данных археологии при решении проблем генезиса феодализма. Большинство же медиевистов ранее относилось достаточно скептически к возможностям археологии, ибо довольно отрывочные материальные свидетельства, добытые в начале XX в. о средневековой эпохе, еще не производили серьезного впечатления на фоне разнообразных письменных источников и наметившегося серьезного совершенствования методики их изучения. А традиций исследования раннесредневековых поселений в тогдашней археологии практически вообще не существовало.

Положение стало меняться с 1950-х годов, когда археологи перешли к изучению не только отдельных средневековых памятников, но и целых регионов. Направления изучения раннесредневековых поселений рассматривались тогда в польской археологии (особенно в работах З. Раевского), а также археологами ФРГ. К 1960-м годам внимание к этим памятникам усиливается среди археологов ГДР и Чехословакии. В ГДР изучают условия раннесредневекового расселения, влияние на него природной среды, формирование укрепленных центров. В Чехословакии опубликованы результаты раскопок ряда раннесредневековых деревень и укрепленных поселений. К середине 1960-х годов появляются обобщающие археологические работы о земледелии и аграрных порядках, характере расселения в раннее средневековье, укрепленных родовых и раннефеодальных центрах, неукрепленных сельских поселениях, племенной структуре. Со второй половины 1960-х годов активизировалось изучение

РИЕР Яков Григорьевич — доцент Могилевского пединститута.

¹ Имеем в виду статьи М. Б. Свердлова, А. А. Горского, Н. Ф. Котляра, В. И. Горемыкиной, А. П. Пьянкова, И. Херрманна, А. Ю. Дворниченко, Ю. В. Кривошеева (Вопросы истории, 1985, № 11; 1986, №№ 8, 12; 1987, №№ 2, 7, 9; 1988, №№ 1, 8).

чешской деревни X — начала XIV веков. Достигнутый уровень исследований позволил поставить вопрос о роли аграрной археологии средневековья в решении проблемы становления феодализма.

Последнее 15-летие было характерно дальнейшим расширением и углублением исследований в этой области. В Чехословакии осуществлялась программа изучения средневековой деревни (поселения, хозяйственные угодья, административные и феодальные резиденции, особенности расселения). Работы велись в тесном сотрудничестве с историко-географами. Широко публиковались добытые материалы, осуществлялись социально-исторические и демографические реконструкции. Лучшие исследованными оказались памятники X—XIII вв., слабее — VII—IX веков. Польские ученые в тот период издали ряд итоговых работ. Общая динамика развития раннефеодальной деревни была подтверждена региональными и тематическими исследованиями. Но в отличие от Чехословакии, в Польше лучше изучена деревня VII—XI веков. В ГДР подробно исследовались конкретные средневековые селения, аграрная экономика в целом, картина расселения, этнокультурные процессы, формирование государственных образований. Археологический материал получил историческую интерпретацию. В средневековой археологии ФРГ сложилась особая «археология поселений», создавались обобщающие монографии.

Этот краткий историографический экскурс показывает, что сейчас можно реально опереться на достигнутое, чтобы судить о правомерности той или иной точки зрения, высказываемой в ходе дискуссии². Какие же конкретно проблемы в данной связи можно решить? Прежде всего относящиеся к формированию экономического базиса феодализма. Археологам представлен массовый материал, позволяющий рассматривать соотношение земледелия, скотоводства, ремесел, промыслов на конкретных памятниках и в регионах, локальные особенности хозяйства, производственные функции крестьянских усадеб, хронологию их развития, характер повседневной жизни деревни. Реален анализ социальной структуры, причем в динамике, что важно для уяснения начальных этапов формирования классового общества, хода феодализации, появления государства, реконструкции общинных порядков, процесса христианизации. Наконец, стала доступна перекрестная проверка данных, предоставляемых историей, археологией, этнографией, исторической географией, языкознанием, палеоботаникой, палеозоологией и пр., что позволяет провести всесторонний анализ сведений из разрозненных, порой недостаточно стыкующихся источников.

2. Эволюция общественного строя³. Известна тесная связь раннесредневекового (как и вообще древнего) населения с природной средой, которая наряду с типами ведения хозяйства обуславливала

² В этой связи явно ошибочной представляется точка зрения, согласно которой археологические доказательства наличия в ту пору крупного землевладения «есть результат заранее заложенной в анализ археологического материала программы, когда в ход идут любые доказательства» (Дворниченко А. Ю. Эволюция городской общины и генезис феодализма на Руси. — Вопросы истории, 1988, № 1, с. 68—69).

³ См. фактические данные в следующих работах: История крестьянства в Европе. Т. 1. М. 1985; Древняя Русь: город, замок, село. М. 1985; Велькая Моравия, ее историческое и культурное значение. М. 1985; Le Roy Ladurie E. Montailou, village occitan de 1294—1324. P. 1975; Aus Ur- und Frühgeschichte. Brl. 1962; Stepanek M. Opevněná sídliště 8.—12. století ve střední Evropě. Praha. 1965; Probleme des frühen Mittelalters in archäologischer und historischer Sicht. Brl. 1966; Frühmittelalterliche Studien. Brl. 1968; Herrmann J. Siedlung, Wirtschaft und gesellschaftliche Verhältnisse der slawische Stämme zwischen Oder/Neisse und Elbe. Brl. 1968; Siedlung, Burg und Stadt. Brl. 1969; Die Slawen in Deutschland. Brl. 1972; Jankuhn H. Archäologie und Geschichte. Brl.—N. Y. 1976; Archäologie als Geschichtswissenschaft. Brl. 1977; Jankuhn H. Einführung in die Siedlungsarchäologie. Brl.—N. Y. 1977; Das Dorf der Eisenzeit und frühen Mittelalter. Göttingen. 1977; Ennen E., Janssen W. Deutsche Agrargeschichte. Wiesbaden. 1979; Donat P. Haus, Hof und Dorf in Mitteleuropa vom 7. bis 12. Jahrhundert. Brl. 1980; Podwińska Z. Technika uprawy roli w Polsce

особенности расселения. Из всех природных факторов европейских равнин наибольшее влияние на размещение населения оказывали леса, почвы и водный режим. Если в прирейнских землях относительно широкие вырубки были известны уже в древнегерманское время, то восточнее еще и во второй половине I тыс. растительный мир оставался естественным и мало окультуренным. Леса прикрывали не только слабые песчаные почвы, но и более плодородные известковые суглинки на возвышенностях. Частично поросли лесами и долины крупных рек, хотя там издревле наиболее интенсивно развивалась хозяйственная деятельность. Черноземы в то время занимали меньшую площадь, но бурые почвы были более плодородны, имели больше перегноя и извести, а уровень грунтовых вод в Центральной Европе был примерно на 2 м ниже современного.

Поселения начала средневековья тяготели к водоемам. При выборе места для поселка учитывались и доступ к воде, и безопасность во время паводков. В широких речных долинах поселения чаще размещались на пойменных возвышенностях. Там, где коренные берега подходили к самой воде, люди селились у обрывов, а при расчленении русла деревни перемещались по долинам. Большинство населенных мест располагалось по берегам малых рек или ручьев. В целом расселение носило дискретный характер, концентрируясь при всех локальных различиях на безлесных местах. Таков же был характер расселения и в Восточной Европе. Четко очерченные скопления поселений появляются с VII в., что свидетельствует о начавшемся увеличении населения и постепенном заполнении ранее не освоенных безлесных мест. Распределение поселений внутри ареалов, свободных от лесов, зависело от качества земли. Предпочтение отдавалось легким долинным почвам. Но известны поселки и на почвах менее плодородных, что было связано с преобладанием там неземледельческих форм хозяйства, а также залежами полезных ископаемых, расположением торговых путей, межплеменных или государственных границ.

Рост населения в освоенных анклавах центральноевропейских долин начался в VII в. (местами — в VI) и привел к созданию ряда новых, часто небольших и недолговечных поселений. До X в. преобладал долинный тип расселения, связанный с легкими почвами, причем нередко поселения «сползали» с береговых террас ближе к воде. С VII в. отмечается постепенное уменьшение удельного веса недолговременных поселков и возрастает число стабильных деревень, существовавших затем ряд столетий, что отражало стабилизацию хозяйственных ареалов в условиях максимального освоения пригодных долинных земель.

Новым явлением, отразившим не только хозяйственные, но и социальные процессы, стало возникновение в VII—VIII вв. укрепленных поселений-городищ площадью до 8 гектаров. Иногда в городища превращались крупные селища (неукрепленные деревни), обраставшие простейшими фортификационными сооружениями. На эти городища уходит население с отдельных малых недолговечных селищ, что связано было с

średniowicznej. Wrocław. 1962; Dvořák P. Odkryté dediny. Bratislava. 1976; Mapa grodisk w Polsce. Wrocław. 1964; Uherskohradištsko. Brno. 1982; Dąbrowska E. Studia nad osadnictwem wczesnośredniowiecznym ziemi Wislickiej. Wrocław. 1965; Studia nad początkami i rozplanowaniem miast nad środkową Odrą i dolną Wartą. T. 1. Zielona Góra. 1967; Hilczerońska Z. Dorzecze górnej i środkowej Odry od VI do początku XI w. Wrocław. 1967; Rozwój osadnictwa w regionie Burzenina nad Wartą od VI do XIV wieku. Wrocław. 1970; Podwińska Z. Zmiany form osadnictwa wiejskiego na ziemiach polskich we wczesniejszym średniowieczu. Wrocław. 1971; Łoziński W. Początki wczesnośredniowiecznego osadnictwa grodowego w dorzeczu dolnej Parsęty (VII—X/XI w.). Wrocław. 1972; Historia kultury materialnej Polski w zarysie. T. 1. Wrocław. 1978; Přehled dejin Ceskoslovenska. D. I, kn. 1. Praha. 1980; Zemlicka J. Vyvoj osidleni dolního Pohří a Ceskeho středohoří do 14. století. Praha. 1980; Beránová M. Zemědělství starých Slovanů. Praha. 1980; Nekuda V., Unger J. Hraděki a tvrže na Moravě. Brno. 1981; Solle M. Staroslovanské hradisko. Praha. 1984.

усилением внешней опасности. Одни располагались по периферии заселенных территорий, другие — в их середине. Там возникали центры соседних общин или малых племен. Поэтому одни городища имели постоянное население, другие использовались как общинные убежища. Размещались городища обычно на расстоянии 5—10 км друг от друга. Существовали они до X—XI вв., когда сменились административными центрами раннефеодальных государств. Тогда же возникают малые городища. Их атрибуция еще дискуссионна: одни исследователи считают их резиденциями родовых и племенных верхов, другие — первыми феодальными центрами, свидетельствующими о начавшейся феодализации. Таким образом, с VII в. и более интенсивно в VIII—IX вв. у западных славян появляются археологические свидетельства консолидации племенных структур, оформления выделяющихся поселений как центров публичной власти, формирования слоев общества, постепенно возвышавшихся над массой населения.

Дальнейшие изменения общественной структуры прослеживаются на появившихся в IX—XI вв. укрепленных центрах военно-административного аппарата государственной власти, а также резиденциях крупных землевладельцев. Эти городища в отличие от общевойсковых сооружений для населения характерны меньшими размерами (около 3 га), более мощными укреплениями и помещениями, рассчитанными на вельможу с семьей и небольшой гарнизон. Тенденции к обособлению нобилитета проявляются с X в. и на ряде старых, больших городищ, где жилища знати отделяются от остальной территории поселения особыми укреплениями. Из отдельных таких городищ выростали великокняжеские столицы, например, Гнезно. Таким образом, археологические материалы фиксируют как начало социальной дифференциации в еще племенных структурах, так и складывание господствующего слоя и появление раннефеодальных государств у западных славян.

Формирование класса феодалов и процесс оседания их на землю отразились и в малых городищах (площадью 0,1—0,5 га) — укрепленных поместях-замках с мощными оборонительными сооружениями и специфическим для господствующего слоя набором вещей. Такие городища широко распространяются у западных славян в XI—XII веках. Этот процесс совпал по времени с появлением дворянских замков в германских землях и массовым возникновением усадеб-замков на Руси. Оседание чешской шляхты на землю отмечается созданием малых городищ и в XIII—XIV веках. Тогда в условиях перехода на денежную ренту, чаще на вновь освоенных землях, мелкие землевладельцы стремились быть поближе к хозяйственным службам и основывали свои резиденции не в отдалении от деревни на созданных самой природой укреплениях, что преобладало в предшествующее время, а непосредственно в деревнях. Вот вкратце вехи процесса феодализации на основе анализа археологических данных об укрепленных феодальных резиденциях.

Данный вывод подтверждается анализом расселения в те же века. Новый этап расселения был характерен отдалением жителей от берегов водоемов, заселением прибрежных возвышенностей на периферии заселенных ранее ареалов и вне их, на новых местах. Появляются поселки вдоль сухопутных коммуникаций, осваиваются плодородные лесные земли. В тех же местах отмечены новые, бесспорно, феодальные, городища. В результате плотность населения в долинах и низинах уменьшается. Начало складывания этого типа расселения исследователи относят ко второй половине X—XI в., когда основная масса жителей еще оставалась на прежних местах, но по соседству со старыми поселками уже появляются новые, хотя и недолговечные. С XI и особенно с XII в. процесс освоения новых земель, прежде всего лесных, на водоразделах становится характерным для всех западных славян.

Изменение характера расселения было вызвано также комплексом гидрологических, социально-экономических и демографических причин. В X—XII вв. происходит повышение уровня грунтовых вод в Центральной Европе, что сделало невозможным проживание в низинах. Сработал хозяйственно-демографический фактор, связанный с вовлечением в хозяйственный оборот практически всей прежде освоенной территории и повышением вследствие этого плотности населения, что и отразило увеличение числа крупных поселков. Экстенсивный характер земледелия требовал новых площадей. Совершенствование техники и новые агроприемы сделали возможным освоение более тяжелых лесных почв. Хотя следы применения плуга и паровой системы известны у западных славян с VIII в., массовый археологический материал свидетельствует, что не спорадическое, а повсеместное внедрение регулярного севооборота и плуга, пригодного для обработки тяжелой лесной целины, характерно именно с XII, XIII и кое-где с XIV в., прежде всего на колонизованных землях. Новые способы земледелия и новый характер расселения были взаимообусловлены. Стабилизация сети поселений с увеличением числа долговременных деревень наступила в XIII—XIV вв., в условиях дальнейшего укрепления феодального землевладения.

Археологические материалы отразили и ход развития крестьянства от общинной организации и имущественной однородности к расслоению. При распаде родоплеменного единства в VII—IX вв. выделяются поселенческие агломерации — округа с площадью 20—70 кв. км, включавшие по 6—8 деревень. Центрами этих округов — территорий малых племен — становятся возникавшие с начала VII в. городища. Такие округа состояли из более мелких скоплений родовых поселков, возможно, с общими угодьями, охватывавших площадь в несколько кв. километров. С конца VIII и в IX в. отмечается разрастание деревень, увеличивается торговое и ремесленное значение городищ. Постепенно меняется общественно-политическая организация населения, формируются соседские общины (ополе, осада — в Польше), крупные округа — объединения соседских общин, охватывавшие площадь от 50—80 до 100—250 кв. км и включавшие в себя 12—20 деревень. На эти объединения распространились теперь старые термины (ополе, осада), одновременно обозначавшие и малые территориальные общины. Новые обширные ополе — это скопления селищ вокруг появившихся сильно укрепленных малых городищ: резиденций вельмож, постепенно выделявшихся из общины и вызывавшихся над ней. Так с конца VIII в. намечается формирование территориальных союзов и классов. Этот этап завершается складыванием в IX—X вв. раннефеодальных государств у западных славян.

Примерно со второй половины XI в. отмечается усиление феодальной знати, которая начинает выходить из больших территориальных общин и обособляется в своих владениях. Ослабление общинных связей происходит и в среде рядового сельского населения: в XI—XII вв. на ряде западнославянских сельских поселений выделяются обособленные усадебные комплексы. Археологический материал XII—XIII вв. свидетельствует о появлении имущественной дифференциации в деревне, что явилось результатом, с одной стороны, обособления крестьянских хозяйств, с другой — интенсивной феодализации. Деревня превращалась в феодально-зависимое поселение.

Как видно из вышесказанного, даже на данном этапе, когда исследована лишь небольшая часть памятников, археологические материалы достаточно представительны. Сопоставление рассмотренных фактов с массовым археологическим материалом у восточных славян не подтверждает господства на Руси IX—XII вв. тех архаических порядков, которые усматривает И. Я. Фроянов. Наоборот, это сравнение свидетельствует в пользу точки зрения М. Б. Свердлова и его сторонников. Как западные, так и восточные славяне уже знали в ту эпоху феодальные отношения.